

«БЕГСТВО ОТ РЕАЛЬНОСТИ»: АУТОМИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК ГАРМОНИЗАЦИЯ «Я-БЫТИЯ» ЧЕРЕЗ ПРИНЯТИЕ ИЛЛЮЗИИ

Статья посвящена рассмотрению феномена «бегства от реальности» в качестве одного из механизмов психологической защиты и способа аутомифологизации личности. Гармонизирующее воздействие личностной аутомифологизации находит обоснование через призму понимания мифотворчества в его иллюзорно-конструктивном аспекте. Обращение к понятию «самообмана» обусловлено необходимостью корреляции гармонизирующего влияния такой «иллюзорной» формы психологической адаптации, как «бегство от реальности» и личностного мифоконструирования, понимаемого рядом исследователей как форма нерелексированного самообмана.

Ключевые слова: аутомифологизация; иллюзия; бегство от реальности; самообман.

Целью данного исследования является обоснование корреляции процессов аутомифологизации (построения личностного мифа) и механизмов психологической защиты, позволяющих, пусть даже иллюзорным путем, гармонизировать Я-бытие личности. Достижение этой цели сопряжено с решением ряда задач: фиксация гармонизирующего потенциала мифа и особенностей иллюзорно-конструирующей функции мифотворчества; рассмотрение феноменов *самообмана* и *бегства от реальности* в контексте системы психологической защиты; аксиологическая реабилитация личностной установки гармонизации Я-бытия через принятие иллюзии. Объектом исследования являются механизмы, корректирующие личностное (само)восприятие. Предмет исследования – механизмы психологической защиты как внерефлективное иллюзорно-компенсаторное средство аутомифологизации личности, гармонизации ее Я-бытия. Актуальность рассмотрения проблем аутомифологизации личности и иллюзорности ее Я-бытия обусловлена инновационностью обращения к аспекту корреляции процесса аутомифологизации и механизмов психологической защиты как способа «бегства от реальности». Теоретической и методологической базой исследования, наряду с теориями Я-концепции, психологической защиты, является установка современной философии мифа, понимания мифа как «горизонта» сознания и культуры, тезисы о принципиальной имманентности мифотворческих механизмов человеческого сознанию, о принципиальной невозможности его тотальной демифологизации. Идеи, излагаемые в данной статье (миф как механизм гармонизации; формирование Я-концепции как аутомифологизация личности; диалектика де- и ремифологизации; рефлексия как механизм демифологизации и др.), неоднократно апробировались автором в материалах различных научных конференций.

Иллюзорная природа генеза мифогармонизации Я-бытия

Потребность в гармонизации Я-бытия является одной из фундаментальных человеческих потребностей, по сути – метапотребностью. Поиск путей достижения этой искомой гармонии составляет содержание этических, психологических, философских систем. К примеру, согласно концепции «когнитивного соответствия», когнитивная структура человека не может долго оставаться несбалансированной, дисгармоничной. Ощуще-

ние несоответствия вызывает у человека психологический дискомфорт, что стимулирует реорганизацию когнитивной структуры с целью восстановления соответствия, гармонии. Стремление человека к непротиворечивости мировоззрения, к сбалансированной равновесной когнитивной структуре оценивается как важнейший фактор духовного консонанса, комфорта, гармоничного мировосприятия. Одним из актуальных механизмов гармонизации представлений человека о мире и своем месте в мире по праву признается миф.

Миф – это матрица гармонии. Для поддержания целостности, равновесия субъективной реальности миф решает важнейшие задачи адаптации, преодоления кризисности мировосприятия, смыслообразования, гармонизации посредством построения комфортного нерелексированно-иллюзорного образа действительности. Следует отметить, что функционирование мифа в качестве иллюзорно-конструирующего механизма – лишь частное проявление его многогранной противоречивой природы.

Основной закон мифа – закон метаморфоз. Иллюзорность мифовосприятия проявляется в инверсии, мистификации причинно-следственных связей, взаимозамещении желаемого и действительного. В мифическом синкретизме стирается грань между реальным и нереальным, возможным и невозможным, рутинным и чудесным. Мифоконструируя собственное Я-бытие, человек подменяет реальную картину мира на «желаемую картину», тем самым достигая простоты и целостности мировосприятия, гармонии (иллюзии гармонии) с окружающим миром, стирая грани несоответствия между субъективной и объективной реальностью. При этом «иллюзорная» картина мира, формируемая мифосознанием, по сути, не является осознанной деформацией объективной реальности в силу нерелексированного и непреднамеренного характера мифотворчества.

Преодоление конфликта между объективной и субъективной реальностью, «отчуждения» (Э. Фромм), «коренной тревоги» (К. Хорни), «экзистенциального вакуума» (В. Франкл) осуществляется посредством компенсаторных механизмов, создающих иллюзорную действительность, где человек комфортно погружается в миф, актуализированный «психологической самозащитой».

Многие исследователи отмечают, что индивидуальное мифотворчество выступает как форма *неосознанного самообмана*, как компенсация дисгармонии мировосприятия. Для личности, погруженной в миф, он является единственной, истинной, не подлежащей сомне-

нию реальностью, которая исчерпывающим образом восполняет потребность в непротиворечивой, гармоничной картине мира. Миф совершенно естественно воспринимается как аутентичная характеристика объективного мира (а следовательно, и как единственно возможная его картина) и стремится выглядеть не «продуктом культуры», а «явлением природы».

Механизмы психологической защиты как средство аутомифологизации

Под аутомифологизацией как одним из механизмов индивидуального мифотворчества мы можем подразумевать и процесс личностного становления в его адаптивно-гармонизирующих аспектах, и процесс личностного самопознания, самопредставления – формирования Я-концепции личности. Личность есть неуловимая подвижная самотрансценденция, открытая, никогда не завершенная процессуальность, и любая статичная фиксация Я-концепции превращается в миф личности о самой себе, поскольку пути адаптации и гармонизации в процессе оформления Я-концепции сопряжены со спонтанным творчеством иллюзии, нерелексированной самой личностью [1. С. 33–37].

Если опыт, полученный индивидом, согласуется с существующими представлениями о себе, он легко ассимилируется в Я-концепцию личности. Если новый опыт конфликтует с содержанием Я-концепции, то происходит либо защитное блокирование этого опыта, имеющее функцию самозащиты, направленной на сохранение гомеостаза, консонанса личностного мифа, либо специфическое преобразование – адаптация этого опыта, позволяющая сохранить гармонию Я-концепции.

Мифотворчество в своей иллюзорно-компенсаторной функции является своего рода механизмом психологической защиты, бессознательным и автоматическим (как «рационализация», «вытеснение», «проекция», «сублимация» и др.). Результатом попыток оградить сложившуюся Я-концепцию от угрозы столкновения с опытом, который с ней не согласуется, являются избирательность (селективность) и искажения в восприятии, игнорирование опыта или его усвоение в форме неверной (иллюзорной) интерпретации. Использование индивидом механизмов психологической защиты необходимо для того, чтобы преодолеть диссонанс между непосредственным его опытом и иллюзиями Я-концепции, сохранить эти комфортные иллюзии, утвердить их абсолютную «адекватность», «нормативность». Реагируя на состояние такого диссонанса как на угрозу, возникающую вследствие переживаний, противоречащих Я-концепции, индивид, предохраняя ее и свое Я-бытие в целом, осуществляет своеобразное «бегство от реальности», используя различные защитные механизмы.

«Бегство от реальности» в структуре психологической защиты

Аутомифологизация как *бегство от реальности* – защитно-компенсаторный механизм, предохраняющий человека от неприемлемой действительности. С помощью избирательного внимания человек сужает свой

мир до нужных размеров, делает его комфортным, простым, гармоничным.

Термин «бегство», в отличие от однокоренного «бег», обладает явственно негативными коннотациями, сопряженными со смыслами выражений «бегство от реальности», «бегство от свободы», «бегство от успеха» и даже «бегство с поля боя» и др. В понятии «бегства» акцентирован смысл отказа от борьбы, от мужественного «принятия на себя» часто болезненной, а то и вовсе непереносимой ситуации, от принятия адекватного решения. Внешняя оценка такого рода «бегства от себя» и от своих жизненных обстоятельств обычно сопряжена с неприятием такой позиции в качестве аутентичной, определяется как дезертирство, слабость, иллюзорно-суррогатное решение проблемы методом страуса, прячущего голову в песок, или ребенка, который ищет спасение от страхов под одеялом. Всем известно шутивное выражение, сопровождающее переживание человеком наиболее болезненных, трудноразрешимых жизненных ситуаций: «Мамочка родимая, роди меня обратно». В интенции спасительного возвращения в безопасное место, избавляющего своей защитой от мучительного принятия решения – в материнское лоно, фрейдисты, к примеру, усматривают деструктивную тягу к смерти, символически отождествляя стремление к внутриутробной защищенности с качествами «тесноты», «темноты», т.е. «могилы», где уже не угрожают страхи, не захватывают страсти, а царит покой и безмятежность, отрешенность от земного страдания и юдоли. В целом феномен «бегства» сопоставляется с поиском иллюзорного пути, базирующегося на «спасительном» самообмане. В задачу данной работы входит рассмотрение феноменов «бегства», «самообмана» и их репрезентаций, формирующих феномен «аутомифологизации».

Феномен *бегства от реальности* может быть рассмотрен через спектр многочисленных механизмов психической защиты, функционирующих неосознанно, нерелексивно, по сути – отвергающих или искажающих реальность. Эти психические механизмы защиты используются для уменьшения патогенной тревоги и сохранения цельности психики индивида. Анна Фрейд, изучая защитные психические механизмы, продемонстрировала, что в качестве таковых могут использоваться самые разнообразнейшие виды действий (фантазирование, интеллектуальная деятельность), что защита может направляться не только против влечений (как полагал сам Фрейд), но и против всего, что вызывает тревогу (эмоции, ситуации, требования Сверх-Я и др.). Так, «искажение» используется для того, чтобы изменить личностную значимость переживания; «отрицание» как бы устраняет сам факт наличия переживания. В качестве защитных механизмов психики А. Фрейд выделяет: вытеснение, регрессию, реактивные образования, изоляцию, отмену некогда бывшего, проекцию, интроекцию, обращение на себя, обращение в свою противоположность, сублимацию, отрицание посредством фантазирования и др. Дополняя этот перечень, М. Кляйн описывает в качестве простейших видов защиты расщепление объекта, проективное (само)отождествление, отказ от психической реальности, претензию на всевластие над объектами и др. [3. С. 228–230].

Поскольку все механизмы психологической защиты представляют собой своеобразное адаптивное искажение восприятия и оценки реальности, можно классифицировать их по способу отношения к реальности:

- избегание реальности (*репрессия*);
- исключение реальности (*отрицание*);
- переопределение реальности (*рационализация*);
- обращение реальности (*реактивные образования*);
- разделение реальности (*изоляция*);
- уход от реальности (*регрессия*);
- перемещение внутреннего чувства во внешний мир (*проекция*) [3. С. 50–53].

Феноменологический аспект психологической защиты

Уточним функции некоторых наиболее репрезентативных для понимания процессов аутомифологизации механизмов психической защиты.

Отрицание – защитный механизм психики, проявляющийся в избавлении индивидуума от угрожающих переживаний путем отгораживания от их существования или отрицания их существования.

Отмена (некогда бывшего) – психологический механизм такого поведения, при котором субъект делает вид, будто его прежние мысли, слова, жесты, поступки вовсе не имели места: для этого он ведет себя прямо противоположным образом. Это «магический» способ поведения, поскольку речь идет об ослаблении или уничтожении значения, ценности или последствий какого-то поступка. Уничтожение бывшего (в патологическом смысле слова) направлено на саму реальность того поступка, который решительно устраняется, как если бы время было обратимо. Для личностной адаптации к миру и самому себе субъект способен «переосмыслить», «переинтерпретировать», «переписать» свою историю, отменить свое прошлое, чтобы его ошибки не довели над настоящим. «Переписывание» истории возможно как в социальном (вспомним известную антиутопию, где показано, с какой легкостью сиюминутная историческая ситуация, историческая расстановка сил ретроспективно изменяется посредством переписывания истории и выдается за существовавшее «от века»), так и в личностном масштабе. Перекодировка восприятия себя – элемент аутомифологизации: переоценка событий и состояний личностного прошлого рождает новый образ личности, новый миф, более адаптированный для самовосприятия и самооценки.

Регрессия – защитный механизм психики, заключающийся в том, что индивидуум отступает на более раннюю и безопасную стадию развития; использование менее зрелых реакций в попытке справиться со стрессом.

Рационализация – защитный механизм психики, позволяющий индивидууму находить правдоподобные объяснения собственных асоциальных, иррациональных побуждений и действий, оправдания своих неудач. Это процедура, посредством которой субъект стремится дать логически связное и морально приемлемое объяснение той или иной установки, поступка, идеи, чувства и т.п., подлинные мотивы которых остаются в тени.

Отказ от реальности – способ защиты, при котором субъект отказывается признать реальность травмирующего восприятия.

Некоторые из способов психической защиты представляют собой по сути формы *эскапизма* (от англ. *escape* – «бежать», «спастись»), т.е. выражают стремление личности уйти от действительности в мир иллюзий, фантазий. Одна из форм эскапизма как вариант компенсационного «бегства» – *уход в болезнь, бегство в болезнь*.

Бегство в болезнь является невротическим способом защиты от конфликта с реальностью; в современной психологии и психиатрии такое *бегство* трактуется как одна из форм реакций личности на неблагоприятную, психогенно травмирующую ситуацию, выражающуюся в попытке избежать конфликта путем развития болезненных симптомов. По определению А. Адлера, на вопрос «Где же ты был, когда делили мир?» невротики всегда отвечают: «Я был болен».

Адлер выделяет еще один вариант псевдокомпенсации – *уход в слабость*. Это случай, когда избегание поражения сильнее, чем стремление к успеху. Комплекс неполноценности обнаруживается на поверхности, и индивид охотно признает свою слабость, неспособность контролировать себя. Близок по смыслу «уходу в слабость» феномен *бегства от успеха*, который сопряжен с *неврозом (или синдромом) неудачи* (термин Рене Лафорга). Неудача появляется как следствие невроза неудачи, а не наоборот. Невротический симптом ограничивает возможности субъекта и блокирует его энергию: по сути, происходит *бегство от успеха* [2. С. 257–258, 316–318, 324–326].

Еще один вариант компенсационного «бегства» – это *бегство от свободы* (Э. Фромм), от рассмотрения которого в данном контексте можно воздержаться.

Защитное «бегство от реальности» как симуляция гармонии социального и личностного бытия

Вышесказанное позволяет констатировать, что при рассмотрении феномена компенсационного мифоконструирования образа мира и образа Я, дающего возможность ситуативного избегания травмирующей реальности, обычно акцентируется именно аспект его неаутентичности, иллюзорности, при этом гармонизирующий аспект отходит на второй план. Психологи отмечают, что психические механизмы защиты в определенной степени способствуют стабилизации «Я» личности, но приводят к ригидности поведения и затрудняют адекватную адаптацию личности. Устанавливаются параллели между «защитным» бегством от реальности и механизмами психически-патологичной (шизофренической) адаптации к реальности. Можно вспомнить термин М.-А. Сешез *символическое исполнение желаний* (цит. по: [2. С. 467–468]), означающее метод аналитической психотерапии шизофрении: речь идет о снятии фрустрации посредством поиска магико-символического удовлетворения потребностей, открывающего пациенту доступ к реальности. Этот метод направлен на то, чтобы организовать, преобразовать «грубую» реальность, заменить ее новой реальностью, более «мягкой» и более приемлемой. По сути, происходит заместительная симуляция реальности посредством создания мифа о реальности, причем подмена не должна быть заметна, зафиксирована, опознана и т.д.

Данный подход очень близок к тому пониманию симулякра, которое концептуализировано в трудах Ж. Бодрийяра: целью культуры тотальной симуляции становится маскировка отсутствия реальности, которая заменяется симулякрами реальности и симулякрами ее переживания. Ж. Бодрийяр убежден, что человека окружает универсум знаков, абсолютное большинство из которых – «соблазняющие», «сворачивающие» фальшивки («симулякры»), подменяющие истинные смыслы и подлинные ценности. Симулякры, оторвавшиеся от своих первооснов, формируют иллюзорный мир квазисмыслов и квазиценностей. Нерелексивность и анонимность воздействия на человека такой квазиреальности обозначается П. Бурдьё как *символическое насилие*, которое предполагает «незнание о незнании» как оптимальную позицию «живущих в мифе» [4].

Итак, ряд сложившихся в культуре коннотаций понятий «миф» и «иллюзия» составляет основу для их устойчивой корреляции. Однако буквальное определение процессов мифоконструирования как создания *иллюзии* не совсем правомерно, поскольку бытие субъекта «живущего в мифе» не самоидентифицируется в качестве иллюзии, хотя и не свободно, потенциально, от погружения в неё. «Чистоту» может сохранить только трансцендентальный субъект. Однако в культуре реально действуют не трансцендентальные субъекты познания, а субъекты как продукты инкультурации, интерпелляции как социализированные субъекты, чьи возможности познания действительности детерминированы метатеорией (картиной мира), принимаемой данными субъектами за саму действительность. Действительность дана субъекту, по убеждению О. Бушмакиной, как воображаемый мыслительный конструкт, с которым он впоследствии имеет дело как с объектом [5. С. 33–35]. Соответственно в категориях О. Бушмакиной, *социальная действительность* определяется как *социальная реальность*, т.е. мысленный конструируемый объект. Социальная реальность конструируется как пространство воображаемого и осуществляется в тождестве субъективного и объективного, поскольку социальное оказывается одновременно и познающим субъектом и познаваемым объектом. В случае отсутствия саморефлексии (как в ситуации мифологизации, идеологизации) социальный субъект становится индивидом, а социальная реальность (как мыслительный конструкт, рабочая теоретическая модель социальной действительности) отождествляется с социальной действительностью. Происходит «овеществление» социальной реальности, ее эссенциализация. Посредством «онтификации» сознания ментальные конструкты «отчуждаются», гипостазированы и начинают уже извне влиять на своих создателей и восприниматься ими как естественное, природное положение вещей [6. С. 38–39]. Слово и вещь отождествляются, возникает социальный миф или миф о социальной действительности. Так, по мнению В.М. Копыленко [7], все наши представления о реальности – это миф о реальности, принимаемый нами за действительность.

Аутомифологизация отдельной личности конструируется на тех же основаниях, что и социальное мифотворчество в силу инвариантности самих принципов мифосознания.

Аутомифологизация и самообман: к постановке проблемы

Определяя аутомифологизацию как процесс формирования гармоничной, но иллюзорной Я-концепции личности, мы должны отдавать себе отчет, что при этом мы вынуждены опираться на привычные, но нерелевантные смыслы того, что полагается «мифом», «иллюзией», поскольку отрицающие коннотации «неистинности», «неадекватности» придают негативный аксиологический оттенок интенции погружения в миф как в «нерелексивную иллюзию», «полуосознанный самообман» (а именно так определяется современное мифотворчество, к примеру, Н.С. Автономовой [8. С. 55–56], П.С. Гуревичем [9. С. 92]). Мы не можем отказаться от этих смыслов, чтобы не утратить критерии для дифференциации и описания «действительного» и «иллюзорного», «истинного» и «ложного» в системе ориентированного на бинарный ресурс теоретического мышления. Поэтому всегда подспудно необходимо подразумевать, что «миф» – это парадоксальным образом «то», и, одновременно, «не совсем то», а точнее – «совсем не то», что уже было сказано о его природе, он «ускользает» из сетей дискурсивного дефинирования. Соответственно, когда речь идет о понятиях «иллюзии», «самообмана» и т.п., мы должны ориентироваться в том числе и на аксиологическую соотносительность с противопоставляемыми им по смыслу понятиями «адекватность», «истинность» и т.п. Однако сама пластичность того, что есть действительное и воображаемое, реальное и виртуальное, подлинно существующее и фантомно-иллюзорное, не позволяет осуществить их «чистое» онтологическое и логическое противопоставление, поскольку «чистая» объективная действительность «невозможна» для воспринимающего субъекта, дистанцированного от мира собственным представлением мира, субъективной картиной мира – «объективная реальность» трансцендентна для субъекта. В тотальности бытия принципиально равноправно бытийственны феномены как объективной, так и субъективной реальности (мысли, сны, грезы, мечты, иллюзии, галлюцинации, воспоминания и т.п.); дифференциация объективного и субъективного осуществляется и имеет смысл лишь в субъективном плане, в границах самой субъективной реальности. Тем самым, дифференциация «подлинно реального» и «иллюзорного» осуществляется именно и только в системе координат познающего субъекта, в его языке. Таким образом, когда мы называем, определяем что-то как «иллюзию», мы демонстрируем *разоблаченность* неподлинности, иллюзорности данного феномена. Ведь если иллюзия не осознанна как «иллюзия», она ничем не отличается от «подлинного», «реального». К примеру, Уильям Томас убежден, что если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны по своим последствиям.

Гармонизируя Я-бытие посредством построения мифа, индивид опирается на принцип: если истина то, что полагается истиной, то, во что верят как в истину, то не особенно принципиально, лежит ли в основании этой «истины» иллюзия или нечто подлинное, реальное, соответствующее «объективной логике бытия». Подкрепляя такую доверительную установку мироот-

ношения, создатель концепции мифодизайна А.В. Ульяновский определяет современный социальный миф как контекстуально условно истинное и аксиологически доверительное высказывание. При определении современного мифа важным является понятийный ряд: реальность – миф – ложь. Если целевой аудитории не известна хотя бы одна точка зрения, с которой данное высказывание истинно или оправданно – это ложь. Если целевой аудитории известна хотя бы одна точка зрения, с которой данное высказывание истинно или оправданно – это миф. Если со всех точек зрения целевой аудитории данное высказывание истинно, это реальность. Из этого определения, отмечает Ульяновский, очевидно, что непроходимой границы между реальностью, мифом и ложью нет – они контекстуальны [4. С. 523].

Однако обычно «впадение в иллюзию» конкретного индивида тревожит окружающих, определяется как самообман, степень рефлексивности которого и составляет основу предумышленности или спонтанности принятия иллюзии.

Диалектика самообмана (Ж.-П. Сартр)

Эта проблема великолепно проанализирована Ж.-П. Сартром в работе «Бытие и ничто», где выражается несогласие с определением *самообмана* как лжи самому себе, поскольку в случае лжи обманщик знает истину, которую скрывает, а обманутый воспринимает его ложь как истину. Идеал обманщика – циничное сознание, утверждающее в себе истину, отрицающее ее в своих словах и отрицающее для себя это отрицание. Лжец должен сделать проект лжи со всей ясностью, должен обладать полным пониманием лжи и истины, которую он искажает. Достаточно, чтобы непрозрачность в основном скрывала его намерения от *другого*, достаточно, чтобы *другой* мог принять ложь за истину. Этого не может быть в случае *самообмана*, если он является ложью себе. Ведь в ситуации *самообмана* роли обманщика и обманутого совмещаются в одном «Я». И если человек попытается свободно и цинично лгать себе, он потерпит неудачу в этом деле; ложь отступает и обрушивается под рефлексивным взглядом. *Самообман* постоянно колеблется между искренностью и цинизмом. Чтобы *самообман* был возможен, необходимо, чтобы сама искренность исходила из *самообмана*. Истинная проблема *самообмана* проистекает, очевидно, из того, что он оказывается верой. Проект *самообмана* сам должен быть *самообманом*. Человек не находится в состоянии *самообмана* только в конце своего усилия, когда он сконструировал свои двусмысленные понятия и когда он себя убедил. Нужно, чтобы в тот самый момент, в который человек расположен вызвать *самообман*, он сделал бы это в отношении самих данных предрасположений. Представлять их себе в *самообмане* – это было бы цинизмом, полагать их чистосердечно невинными – было бы правдивостью. Решение быть в *самообмане* не осмеливается назвать свое имя, оно думает и не думает о себе как о пребывающем в *самообмане*. И именно решение быть в *самообмане* с возникновения *самообмана* решает о всей последующей позиции и мировоззрении *самообмана*. *Самообман* не сохраняет норм и критериев истины, как

они понимаются критическим мышлением правдивости. В *самообмане* своя истина, свой метод мышления, свой тип бытия объектов; этот мир *самообмана*, которым внезапно окружается человек, имеет онтологическую характеристику, заключающуюся в том, что бытие в нем есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является. Соответственно, появляется особый тип очевидности – неубедительная очевидность. *Самообман* с самого начала своего возникновения принимает решение о природе своих требований: это решение не слишком требовать, чтобы считать себя удовлетворенным, когда будет плохо убедительным, чтобы укрепить своим решением согласие с недостоверными истинами. В *самообмане* неубедительность оказывается структурой всех убеждений. *Самообман* – это вера, которая хочет быть плохо убежденной. Верить – значит знать, что веришь, а знать, что веришь, – значит больше не верить. Таким образом, вера есть бытие, которое ставится под вопрос в своем бытии и может реализоваться только в своем разрушении, может обнаружиться только отрицая себя; это бытие, для которого быть – значит появляться, а появляться – значит отрицаться. Верить – значит не верить. Сознание является непрерывным уходом от себя, вера становится неверием, непосредственное – опосредованным, абсолютное – относительным, относительное – абсолютным. Следовательно, первоначальный проект *самообмана* есть только использование этого саморазрушения факта сознания. Находясь в *самообмане*, нельзя верить тому, чему хочешь верить. Но именно как согласие не верить тому, чему веришь, вера и является *самообманом*. *Самообман* разоружил заранее всякую веру: ту, которую он хотел бы приобрести и, одновременно, ту, которой он хочет избежать. Правдивость стремится бежать от глубокого распада личностного бытия к состоянию в-себе, которым она должна быть и совсем не является им. *Самообман* стремится бежать от состояния в-себе к глубокому распаду личностного бытия, но сам этот распад *самообман* отрицает, как отрицает в отношении себя, что является *самообманом*. Сознание скрывает в своем бытии постоянный риск *самообмана*. И источником этого риска выступает именно сознание, которое в своем бытии одновременно есть то, чем оно не является, и не есть то, чем оно является [10. С. 82–104].

Мифотворчество как непредумышленное конструирование иллюзии: проблема рефлексивности самообмана

Проблема рефлексивности самообмана имеет крайне амбивалентную природу и вполне сопоставима с аналогичным аспектом аутомифологизации. «Создатели мифов» и «живущие в мифе» обладают различной степенью рефлексивности относительно мифологичности бытия, однако внеположенность мифу иллюзорна, в конечном счете как для одних, так и для других. Принципиальное дистанцирование от мифа для всех фигурантов мифа проблематично в большей или меньшей степени. В ситуации аутомифологизации индивид выступает, как и в случае самообмана (который не готов полностью цинично признать собственную преднамеренность; поэтому миф и характеризуют часто как

«неосознанный самообман»), одновременно в роли *мифотворца* и *живущего в мифе*.

Опознание мифа в качестве искусственного конструкта, наименование мифа «*мифом*» означает демистификацию, демифологизацию, разоблачение мифа. Демифологизация одного мифа (посредством разоблачительной рефлексии) и, соответственно, дальнейшее утверждение другого мифа происходит, может иметь место только в горизонте мифа, в контексте мифа, еще не освоенного демифологизирующей рефлексией, не осознанного в качестве «мифа», и эта мифологизированная контекстуальность или контекстуальная мифологизированность имманентна человеческой бытийственности, бытию сознания. Признание и обоснование имманентной мифичности сознания, понимание мифа в качестве контекста восприятия реальности, «горизонта» сознания [11. С. 121–124] позволяет сделать вывод, что речь может идти лишь о степенях мифологизированности и демифологизированности сознания, но не о принципиальном выходе за пределы мифосреды, не о возможности принципиально демифологизированной картины мира. Самоустранение субъекта из этой сферы возможно лишь с прекращением деятельности сознания (смерть, безумие и т.д.).

Установка на преодоление мифа, демифологизацию для логоцентристской западной классической ментальности долгое время являлась искомым целью и идеалом, идеалом недостижимым, поскольку признание тотальности мифа как культурного феномена, установка понимания имманентной мифичности любых дискурсов упраздняет антиномию «мифологичное» – «немифологичное» и заменяет ее антиномией «этот миф» – «иной миф» [12. С. 204]. Искомое состояние «защищенности мифом», чей гармонизирующий, антиэнтопийный потенциал привлекает как ниша субъективного комфорта, лежит в основании процессов аутомифологизации. Именно это, казалось бы, парадоксальное стремление в глубь ниши личностных иллюзий представляет особый интерес, поскольку позиции эскапизма, убаюкивающего самообмана всегда оценива-

лись предельно негативно в категориях активно-деятельностного рационального, прагматичного западного менталитета (в отличие, к примеру, от восточного, созерцательного, постигшего тотальную иллюзорность мира).

Реабилитация интенции к иллюзии как средства гармонизации Я-бытия

Попытка осмысления и оправдания данной интенции к иллюзорному требует, в первую очередь, дифференциации аксиологических установок, позитивных и негативных, в отношении мифа, аутомифологизации, стремления к погружению в миф и отсутствия желания покинуть пространство мифа. Эти ценностные установки опираются на различные категориальные ресурсы, поэтому описание процессов аутомифологизации может быть как демифологизированно-, так и ремифологизированно-ориентированным. Следовательно, можно предположить существование как оценочных позиций, где наиболее явно маркирован аспект «иллюзорности», «самообмана» (в узконегативных смыслах этих понятий) процессов аутомифологизации, так и позиций, акцентирующих аспект гармонизации Я-бытия посредством конструирования лично-значимых мифов. Толерантность в отношении принятия свободного выбора дееспособной личностью возможных путей адаптации и гармонизации Я-бытия характеризует установку, ориентированную на либеральные ценности личностной свободы. Но насколько свободен этот личностный выбор пути принятия реальности или бегства от нее? Любой личностный выбор ремифологизации или демифологизации личностного бытия может быть свободным только в рамках самого мифологического контекста и имманентной мифологизированности сознания. Несвобода от мифа не тягостна, поскольку не рефлексивна. Личность свободна от мифа ровно настолько, насколько она способна осознать невозможность тотальной демифологизации собственных субъективных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яровенко С.А. Формирование «Я»-концепции как аспект аутомифологизации личности // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 33–37.
2. Лаплани Ж. Словарь по психоанализу / Пер. с фр. Н.С. Автономовой. М.: Высшая школа, 1996. 623 с.
3. Кондаков В.С. Личность наизнанку. Психопатии, неврозы, психосоматические расстройства. Ижевск: Удмуртский университет, 1999. 322 с.
4. Ульяновский А.В. Мифодизайн: коммерческие и социальные мифы. СПб.: Питер, 2005. 544 с.
5. Бушмакина О. Конструирование социального мифа: интерпассивность воображаемого сообщества // Бренное и вечное: политические и социокультурные сценарии современного мифа. Великий Новгород: НовГУ, 2005. С. 33–35.
6. Толерантность и коммуникация / Под ред. Г.И. Петровой. Томск: Дельтаплан, 2002. 178 с.
7. Копыленко В.М. Миф о реальности. Режим доступа: <http://ihtika.net/?qwe=viewfile&filein=110451>
8. Автономова Н.С. Миф: Хаос и Логос // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного опыта. М.: Политиздат, 1990. 464 с.
9. Гуревич П.С. Эрнст Кассирер: Феноменология мифа // Философские науки. 1981. № 7.
10. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл. и прим. В.И. Колядко. М.: Республика, 2004. 639 с.
11. Осаченко Ю.С. Введение в философию мифа. М.: Инерпракс, 1994. 176 с.
12. Карлова О.А. *Miphos sapiens* – миф разумный. М.: Московский писатель, 2001. 208 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 2 декабря 2009 г.